

References

1. *Zakon Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki "Ob okhrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury"* [The Russian Soviet Federative Socialist Republic Law "On history and culture landmarks preservation and use"]. Moscow, 1979, p. 1. (In Russ.).
2. Ionov Yu.I. *Turistskie marshruty po Kuzbassu* [Tourist tracks of Kuzbass]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. (In Russ.).
3. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: sbornik normativnykh aktov* [The historical and cultural heritage of Kuzbass: a collection of regulatory acts]. Ed by T.L. Baranova, Yu.Yu. Gizzey, V.N. Zharonkin, I.V. Zakharova. Kemerovo, 2007. 216 p. (In Russ.).
4. Karamzin N.M. *Sochineniya: v 2 tomakh* [Work in 2 volumes]. Leningrad, 1984, vol. 2. 456 p. (In Russ.).
5. *Katalog pamyatnikov istorii i kul'tury Kemerovskoy oblasti* [Kemerovo Region history and cultural landmarks catalogue]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1996. (In Russ.).
6. *Konventsiya "Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya"* [Convention "On non-material cultural heritage protection"]. Paris, 2003. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.
7. Krotov V. Prinuditel'naya istoriya [Forced history]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 2011, 11-15 February. (In Russ.).
8. Kulemzin A.M. *Vos'moe chudo Kuzbassa. Shestakovskiy muzey-zapovednik: kontsepsiya sozdaniya i razvitiya* [The eighth wonder of Kuzbass. Shestokovo conservation area: creation and development concept]. Kemerovo, 2015, p. 14. (In Russ.).
9. Kulemzin A.M., Konyaeva T.I., Alekseeva L.S. *Muzei obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Kemerovskoy oblasti* [Museums of educational institutions of the Kemerovo region]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2011. 72 p. (In Russ.).
10. Kulemzin A.M., Skryabina L.A. O kontsepsii sozdaniya istoriko-ekologicheskogo muzeya-zapovednika "Moskovsko-Sibirskiy trakt" [On the concept of "Moscow – Siberian tract" history and ecology conservation area]. *Problemy okhrany i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Sibiri* [Siberian history and culture landmarks' preservation and use problems]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1996, pp. 106-124. (In Russ.).
11. Polenov F.D. Slovo o budushchem [A word about the future]. *Pamyatniki Otechestva* [Monuments of the Fatherland], 1991, no. 2, pp. 4-5. (In Russ.).
12. Remezov S. *Chertezh vseh sibirskikh gradov i zemel'*. Atlas Aziatskoy Rossii [All Siberian towns and lands' drawing. Asian Russia Atlas]. St. Petersburg, 1913. (In Russ.).
13. Rozhkova K.A. Oni byli pervymi [They were the first]. *Pamyatniki Otechestva* [Monuments of the Fatherland], 1988, no. 2, pp. 7-19. (In Russ.).
14. *Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii"* (red. ot 23.07.2008 s izm. ot 17.12.2009 [Federal Law no. 73-Fz dated 25.06.2002 "On the Russian Federation nations' cultural heritage objects (history and culture landmarks)", edited 23.07.2008, changes from 17.12.2009]. (In Russ.). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901820936>.

УДК 069

МАЛОМОБИЛЬНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЯ

Шевлягин Арсений Андреевич, аспирант кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: arseniishevliagin@yandex.ru

Развитие современного российского общества в значительной степени связано с преодолением последствий духовного кризиса конца XX века. Общемировые тенденции, такие как глобализация и рост межкультурных контактов, также влияют на продолжающиеся социальные изменения, в том числе

на формирование мультикультурной среды. С учетом определения культуры, данного В. С. Степиным, такая среда в статье рассматривается как система, сложенная из всевозможных культур, одной из которых является культура маломобильных людей. Межкультурное взаимодействие с ними строится на принципах инклюзии и частично может быть реализовано музейными средствами. О достижении инклюзии в ее культурном аспекте можно судить по совокупности музейных технологий и продуктов, ориентированных на категорию лиц с ограничением подвижности. Цель работы состоит в изучении опыта отечественных музеев в обозначенной сфере и его соотношении с разными видами доступности. Для выбранного ряда решений определяются условия их применимости и оптимальной воспроизводимости. В качестве иллюстрации эволюции инклюзии в мультикультурном пространстве приводятся примеры из деятельности музеев. Делается вывод о том, что потенциал российских музеев в работе с маломобильными людьми еще не раскрыт полностью, несмотря на богатый арсенал имеющихся практик.

Ключевые слова: инклюзия, доступность, культура, мультикультурная среда, пространство музея, маломобильные люди, ограничение подвижности.

LOW-MOBILITY VISITORS IN MUSEUM'S MULTICULTURAL SPACE

Shevlyagin Arseniy Andreevich, Postgraduate of Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State University of Culture (St.-Petersburg, Russian Federation). E-mail: arseniishevlyagin@yandex.ru

The development of modern Russian society is largely related to overcoming the consequences of the spiritual crisis of the late 20th century. Global trends, such as globalization and the growth of intercultural contacts, also affect the ongoing social changes, including the formation of a multicultural environment. The article considers this environment as a system composed of all kinds of cultures, one of which is the culture of low-mobility people. Intercultural interaction with them is based on the principles of inclusion and partially can be realized by museum means. The achievement of inclusion in its cultural aspect can be judged by the combination of museum technologies and products focused on the category of visitors with limited mobility. The purpose of this paper is to study the experience of Russian museums in the designated area and to define its correlation with different types of accessibility. The article deals with the next accessibility components: physical, informational, psychological, which concerns personal views, and attitude-containing, which takes into account attitude of another people related to the person.

The article considers the approaches to environmental adaptation, virtualization as an alternative to the previous one and the theatre in the museum as an instrument for involvement into the culture of the museum. For the selected series of solutions, the conditions of their applicability and optimal reproducibility are determined. Evolution of inclusion in a multicultural space is illustrated with examples from the activities of museums. It is concluded that the potential of Russian museums work with low-mobility people has not yet been fully disclosed, despite the rich diversity of existing practices.

Keywords: inclusion, accessibility, culture, multicultural environment, museum space, low-mobility people, limited mobility.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-51-108-113

Попытки преодолеть духовный кризис российского общества, спровоцированный социокультурными изменениями 1990-х годов, приводят сегодня к обогащению и восстановлению

сферы духовности [8, с. 102]. Этот процесс связан с ростом уважительного отношения к иной культуре, языку, традициям, а также с плюрализацией мнений. Влияние на организацию культур-

ных взаимоотношений оказывает глобализация, вследствие которой происходит ускорение и упрощение взаимопроникновения элементов разных культур друг в друга [5, с. 47], в том числе распространение и утверждение общечеловеческих ценностей. В результате создаются предпосылки для формирования единого мультикультурного пространства.

Согласно концепции академика В. С. Степина, культура в широком понимании – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях». По мнению ученого, эти программы включают в себя совокупность «знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентаций и т. д.» [7].

Исходя из этого, можно сказать, что мультикультурная среда представляет собой систему, сложенную из всевозможных культур (в более узком смысле слова), существующих одновременно в данном обществе. С учетом того, что каждый человек одновременно входит в разные социальные объединения, следовательно, и в культуры, то определять их следует не по одному, а по целому ряду признаков. Например, этнонациональная культура подразумевает материальные и духовные ценности, созданные людьми, особенности менталитета, этикета, традиций и др. Существуют культуры, которые определяются причастностью людей к одной конфессии или социальному слою, а также сходными возможностями здоровья. У этих групп есть особые, свойственные им ценности, общность в системе мировоззрений, потребности в самоидентификации. Поэтому взаимодействие в рамках исходной системы затрагивает не только уровень «человек – человек» и «человек – культура», где человек – отдельная единица социума, а культура привязана лишь к конкретному народу, но и «культура – культура», где человек расценивается уже как представитель любой другой культуры.

К одной из таких категорий-культур относятся маломобильные люди, которые демонстрируют широкий социальный срез, ведь включают в себя

инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, людей третьего возраста, беременных женщин и пр. По ряду причин люди с малой мобильностью иногда оказываются в ситуации затрудненного культурного контакта. Создание условий для диалога является обязательной частью инклюзии не только как социального, но и культурного феномена. В этом смысле формирование инклюзии есть культурогенетический процесс, выражаясь в терминологии А. Я. Флиера, поскольку он сопряжен с выработкой норм и стандартов в социально значимой области человеческой жизнедеятельности и направлен на их распространение и интеграцию в социальную практику культуры [10, с. 16].

Одну из ведущих ролей в этом явлении играет музей. Анализ опыта отечественных музеев позволяет выделить решения в сфере работы с маломобильным посетителем, которые могут быть трактованы как нормативные и эталонные, так как они являются воспроизводимыми и могут быть перенесены либо адаптированы и вариативно интерпретированы в большем или меньшем числе культурных объектов. С этой позиции один из аспектов инклюзии можно представлять в виде суммы музейных технологий и продуктов, порождаемых фактом существования группы маломобильных людей и находящихся под влиянием необходимости устранить физическую или когнитивную недоступность, увеличить аттрактивность музея. Целью данной работы является обобщение некоторых практик такого рода, что дает возможность моделирования ситуаций, в которых они могут быть осуществлены, и соотнесение их с разными видами доступности.

Пространство музея постоянно развивается в соответствии с изменением представлений о культуре и признанием за каждой эпохой права на собственное видение мира, права на диалог с современной культурой. В этом пространстве человек, следуя определенному поведенческому алгоритму, имеет возможность «общаться» с уже существующими культурными реальностями [11, с. 56]. В связи с этим музей можно воспринимать как мультикультурный центр, но очевидно, что без существования универсального дизайнера он останется недостижимым для маломобильного посетителя. Доступность среды играет

роль фундамента адаптации музея к нуждам его аудитории, и её создание как способ привлечения новых социальных групп входит в ряд первоочередных направлений развития музея. Выход из этой ситуации связан с поиском дополнительного финансирования, которое музей может изыскать многими способами: путем участия в конкурсах, получения грантов и предоставления нетипичных для музейной деятельности услуг [2, с. 49], а также благодаря фандрейзингу, меценатству и обществу друзей музея. В крупных музеях, таких как Тульский государственный музей Оружия (2012), Музей Бориса Ельцина в Екатеринбурге (2015), музей-заповедник «Куликово поле» (2016), проблема доступности была решена на этапе проектирования зданий и экспозиций. Ряд музеев, расположенных в исторических зданиях, становится доступным для маломобильных посетителей в результате реконструкции и переоснащения. Примерами являются павильон «Арсенал» в музее-заповеднике «Царское село» (2016), музей-спектакль «Дом игральные карты» в ГМЗ «Петергоф» (2018). Однако для большинства музеев России, расположенных в исторических зданиях, эта проблема по-прежнему актуальна. Специалисты из Национального исследовательского университета Высшей школы экономики в 2014 году отметили в докладе «Доступность российских музеев: внутренние и внешние факторы влияния», что лишь 10 % музеев России оснащены специальным оборудованием для приема людей с физическими ограничениями (см. [3]).

Одна из задач в этом направлении, включающая инженерную часть и проработку логистики движения посетителей, – модификация музейного здания пандусами, лифтами и платформами. Для исторического пространства этот процесс неотделим от проблемы сохранения архитектурного облика памятника и целостности экспозиции. Существуют конструктивные решения данного вопроса, но целесообразность их реализации определяется популярностью музея и особенностями его размещения. Подъем и спуск человека на инвалидном кресле по лестнице интерьерного музея с большой посещаемостью может замедлить движение остальных посетителей по ней. Поэтому в таких музеях устройство лифтов является оправданным с точки зрения сохранения равномерного

туристического потока. Размещение лифта также правомерно, если здание исторически было оснащено подобными механизмами. Учитывая высокий процент иностранных туристов, для многих из которых наличие безбарьерной среды в музее кажется естественным, лифт однозначно окажется востребованным.

В музеях с неинтерьерными историческими лестницами сегодня устраиваются управляемые сотрудником мобильные подъемные платформы, как это сделано в Государственном Русском музее или Государственном Эрмитаже, и компактные подъемники, способные двигаться по кривой с малым радиусом поворота, пример тому – музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. В случае невозможности архитектурного вмешательства доступ маломобильному посетителю может быть обеспечен вспомогательными средствами, не меняющими облик среды. К ним относятся разборные пандусы, специальные лестничные гусеничные подъемники и ступенькоходы, которые сегодня применяются в разных музеях России, среди них: Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве, Приморский государственный музей имени В. К. Арсеньева во Владивостоке, Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачёва. Такими приспособлениями управляет сотрудник музея, от которого особенность конструкции не требует обладания грубой силой. Благодаря этим механизмам и помощи сопровождающего маломобильный посетитель может подняться даже по узкой лестнице. Приведенные выше примеры отражают музейный «арсенал» распространения таких приспособлений: это прежде всего художественные, краеведческие, исторические музеи, в которых доля постоянного потокового экскурсионного движения значительно меньше, чем во многих дворцах-музеях, за счет диверсификации тематических маршрутов и гораздо большего числа индивидуальных посетителей.

Альтернативным вариантом безбарьерной среды становится виртуализация музейных предметов и экспозиций, что расширяет доступность музея в информационном, географическом и социальном плане [12, с. 15]. Так, ГМЗ «Петергоф» создал виртуальную выставку «Китайская ширма

XVIII века», которую можно было «посетить» с устройства с выходом в Интернет. Полноценная трехмерная виртуализация музейного пространства подключает механизм когнитивной доступности, поскольку устраняет из диалога между музеем и посетителем все внешние «раздражители». Эта технология вкупе с использованием специального прибора – очков виртуальной реальности или информационной перчатки, которые передают даже тактильные ощущения [4, с. 325], может дать полное и реальное погружение в пространство музея без физического перемещения человека. Нам видится, что особую ценность 3D-туры с описаниями экспонатов имеют в исторических, этнографических, художественных музеях, где экспозиция обладает насыщенным предметным рядом и есть потребность в детальном созерцании экспоната.

Перенос музея в цифровой мир теоретически может быть реализован везде, но он односторонне репрезентативен и исключает живое общение. Гораздо более сложен обратный процесс: обеспечить «присутствие» человека в реальности с помощью технологий. В России на данный момент применение современных средств в музейной работе еще не достигло такого уровня, поэтому в качестве иллюстрации эволюции инклюзии приведем Музей ван Аббе (Van Abbemuseum) в Нидерландах, посвященный современному искусству. Человек, желающий осмотреть экспозицию или прослушать «живую» экскурсию, может исследовать музей самостоятельно с помощью специального робота, способного свободно перемещаться по музею. Посетитель дистанционно, с личного компьютера, управляет виртуальным посредником, который передает звук и изображение к сопровождающему музейному сотруднику и обратно, благодаря чему реализуется полноценный диалог.

Достижение инклюзии предполагает обеспечение доступности и на уровне уважительного отношения со стороны окружающих, в музее это в первую очередь – сотрудники и другие посетители. Невнимание к индивидуальным потребностям посетителей, которые мало знакомы с деятельностью культурных учреждений и не имеют полного представления о том, чего ждать от посещения, может болезненно отразиться на них

[7, с. 57]. Преодолеть порог страха вхождения в культуру музея могут помочь практики проведения концертов и спектаклей, ориентированных на зрителя независимо от его социальной принадлежности и создающих атмосферу, в которой различия в физических возможностях не чувствуются. Исследователь В. С. Малеев справедливо утверждает, что интеграция театра и музея может носить чисто технический характер, но может представлять органический синтез, дающий «перспективный культурный опыт» [6, с. 115]. В первом случае музей становится лишь площадкой или декорацией для некоего спектакля или музыкального мероприятия, во втором – музей и действо дополняют друг друга и воспринимаются целостно. В обоих случаях театр в музее – путь к взаимодействию с местным сообществом и повторному привлечению посетителя в целом. Тематически связанный с экспозицией спектакль усиливает заложенную в неё эмоциональную составляющую, а литературная основа театрального сюжета, на наш взгляд, особенно сближает театр и литературный музей. Пример тому – театры в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме, в литературно-мемориальном музее Достоевского, в музее-квартире А. Н. Толстого в Москве.

Культурная инклюзия – процесс, который не ограничивается созданием безбарьерной среды. Он включает в себя средства формирования психологической (со стороны субъекта), отношенческой (со стороны окружения), информационной доступности. В рамках статьи не рассматривалась экономическая политика музеев, в то время как финансовую доступность стоит считать одной из основополагающих при взаимодействии с маломобильными людьми. Не претендуя на исключительность выводов, можно утверждать, что при разнообразии существующих музейных практик их потенциал в работе с маломобильными людьми еще не раскрыт полностью. Проецирование накопленного опыта на новую аудиторию и учреждения ведет к осуществлению и интенсификации процесса культурной инклюзии, а также формирует мультикультурный, соборный музей, «построенный на равных возможностях для всех, на объединении, а не разъединении людей и культур» [1, с. 171].

Литература

1. Бонами З. А. Как читать и понимать музей. Философия музея. – М.: АСТ, 2018. – 224 с.
2. Гиль А. Ю. Изменения в деятельности музеев с учетом тенденций развития современного общества // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 364. – С. 49–53.
3. Гринкевич В. В. Семидесяти процентам россиян музеи не интересны [Электронный ресурс] // Науч.-образов. портал IQ НИУВШЭ. – URL: <https://iq.hse.ru/news/177666954.html> (дата обращения: 18.10.2019).
4. Дедов С. Г., Фокин А. А. Виртуализация музейного пространства // Царскосельские чтения. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 322–325.
5. Касаткин П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. – 2017. – № 8. – С. 40–48.
6. Малеев В. С. Музей и театр на пути к единству: поиск синтетических форм // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 4 (84). – С. 113–122.
7. Саймон Н. Партиципаторный музей. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 440 с.
8. Степин В. С. Культура [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения: 01.12.2019).
9. Турсунова Р. Ю. Основные концепции Духовного возрождения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 33 (287). – С. 98–102.
10. Флиер А. Я. Культурогенез. – М., 1995. – 128 с.
11. Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Музейно-педагогическая мысль в России. Исторические очерки / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2006. – 272 с.
12. Шляхтина Л. М. Социальные практики современного музея: границы доступности // Вопр. музеологии. – 2014. – № 2 (10). – С. 10–15.

References

1. Bonami Z.A. *Kak chitat' i ponimat' muzey. Filosofiya muzeya [How to read and understand the museum. Museum philosophy]*. Moscow, AST Publ., 2018. 224 p. (In Russ.).
2. Gil A.Yu. *Izmeneniya v deyatelnosti muzeev s uchetom tendentsiy razvitiya sovremennogo obshchestva [Transformations of museum activity in conditions of contemporary society development]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2012, no. 364, pp. 49-53. (In Russ.).
3. Grinkevich V.V. *Semidesyati protsentam rossiyan muzei ne interesny [Seventy Percent of Russians Not Interested in Museums]*. *Nauchno-obrazovatel'nyy portal IQ Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" [Scientific and Educational Portal IQ National Research University "Higher School of Economics"]*. (In Russ.). Available at: <https://iq.hse.ru/news/177666954.html> (accessed 18.10.2019).
4. Dedov S.G., Fokin A.A. *Virtualizatsiya muzeynogo prostranstva [Museum space virtualization]*. *Tsarskosel'skie chteniya [Tsarskoye Selo readings]*. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2010, pp. 322-325. (In Russ.).
5. Kasatkin P.I. *Globalizatsiya kul'tury: problemy i perspektivy [Globalization of culture: problems and prospects]*. *Vlast' [Power]*, 2017, no. 8, pp. 40-48. (In Russ.).
6. Maleev V.S. *Muzey i teatr na puti k edinstvu: poisk sinteticheskikh form [Museum and theater on the way to unity: search for synthetic forms]*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University]*, 2018, no. 4 (84), pp. 113-122. (In Russ.).
7. Saymon N. *Partitsipatornyy muzey [Participatory Museum]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 440 p. (In Russ.).
8. Stepin V.S. *Kul'tura [Culture]*. *Novaya filosofskaya entsiklopediya [New encyclopedia of philosophy]*. (In Russ.). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (accessed 01.12.2019).
9. Tursunova R.Yu. *Osnovnye kontseptsii dukhovnogo vrozozhdeniya [Basic concepts of spiritual revival]*. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2012, no. 33 (287), pp. 98-102. (In Russ.).
10. Flier A.Ya. *Kul'turogenез [Cultural genesis]*. Moscow, 1995. 128 p. (In Russ.).
11. Shlyakhtina L.M., Mastenitsa E.N. *Muзейno-pedagogicheskaya mysl' v Rossii. Istoricheskie ocherki [Museum-pedagogical thought in Russia. Historical essays]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture Publ., 2006. 272 p. (In Russ.).
12. Shlyakhtina L.M. *Sotsial'nye praktiki sovremennogo muzey: granitsy dostupnosti [Social practices of the contemporary museum: the boundaries of accessibility]*. *Voprosy muzeologii [The Problems of Museology]*, 2014, no. 2 (10), pp. 10-15. (In Russ.).